

Марина и Сергей Дяченко, Литагент
«Фолио»

Кон

*Часть сборника
Магия театра (сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Кон

«Фолио»

2001

Дяченко М.

Кон / М. Дяченко — «Фолио», 2001

Рассказ, громко заявляющий от лица авторов: «Мы искренне любим театр!» Размышление об искусстве: что есть классика, а что – штамп. И где пролегает беспощадная граница между ними. О страхе, порожденном успехом. О таланте, ломающем традиции. О неумении и нежелании понять и принять новое. И о юности, не желающей ждать. Все или ничего! Иногда это сбрасывается...

© Дяченко М., 2001

© Фолио, 2001

Марина и Сергей Дяченко

Кон

– Меня зовут Тимур Тимьянов.

Тишина. Полумрак большого пустынного холла; за невысокой стойкой угадывались очертания никелированных вешалок для одежды – старомодных растопыренных стоек, в наготе своей напоминавших осеннюю рощицу.

– Я пришел...

Тимур запнулся.

Он бывал под этой крышей много раз, но никогда прежде – со времен очень раннего детства – не входил со служебного хода. Здесь было пусто и чисто, на стене против входа помещалось одно-единственное зеркало, а над лестницей, ведущей налево и вверх, слабо фосфоресцировал один-единственный циферблат.

В прихожей не было ни души, но ощущение возникало такое, будто стоишь голый перед огромной молчаливой толпой, и все взгляды слились в один тяжелый Взгляд, лишенный злобы, но лишенный и симпатии. В первый момент Тимур даже отшатнулся, да что там – готов был бежать обратно на улицу; пришлось приложить значительное усилие, чтобы скрыть испуг.

Кон не любит трусов.

– Я пришел... Я хотел бы договориться о премьере.

Главное сказано. Теперь – ждать ответа. О том, что ответа может не быть, Тимур не думал ни прежде, ни теперь.

Длинная стрелка на зеленоватом циферблате дернулась, перескакивая с деления на деление, и целой секундой позже Тимур услышал звонкое «цок».

Все ли он сказал? Нет, он ухитрился пропустить самое важное!

– Я режиссер. Я постановщик. Я хотел договориться...

Где-то на лестнице, этажом выше, резко скрипнула дверь. И снова воцарилась тишина; Тимур ждал. Длинная звонкая стрелка снова вздрогнула; одиннадцать часов три минуты. Лучшее время для визита.

– Мне можно войти?

Тихо. Но напряжение взгляда едва заметно ослабело. Внезапный сквознячок едва ощутило подтолкнул Тимура по направлению к лестнице – и исчез.

Поколебавшись, Тимур двинулся вверх по истертым мраморным ступенькам. Перила были деревянные, Тимур боялся дотронуться до них – при мысли, сколько великих людей полировали это дерево своими прикосновениями, рука отдергивалась сама собой.

Этажом выше он остановился. Можно было повернуть налево, или направо, а можно было продолжать подниматься.

Ощущение чужого взгляда вернулось с новой силой, и тут же в коридоре слева – ох, какой длинный и темный коридор! – мелькнул свет. Мелькнул снова. И, разгоревшись, уже не гас; борясь с неприятным холодом в животе, то и дело отступаясь на складках ковровой дорожки, Тимур двинулся на огонек.

Обнаружилась желтоватая лампочка под потолком, тусклая, в оплетке из проволоки. Круг света лежал на крашеной стене; Тимур вздрогнул.

«Пьеса?» – было написано на стене мелом. Хитрой гадюкой выгибался вопросительный знак.

– «Три брата», – торопливо сказал Тимур. И тут же добавил, будто оправдываясь: – Есть смысл братья за классику, потому что...

Хлопнула дверь за его спиной; Тимур невольно вздрогнул. Обернулся, оторвав взгляд от меловой надписи; на этот раз дверь приоткрылась с длинным скрипом – недвусмысленно приглашая.

Тимур вошел.

Гримерная на четверых. Со времен детства Тимур не доводилось видеть столь уютных гримеров; на одном из зеркал таяла испарина. Он едва успел разобрать слова на запотевшем стекле: «Восемнадцатое тебя устроит?»

– Восемнадцатое ноября?

Ощущение чужого взгляда оставалось, Тимур чуял его зудящей кожей щек, но страх прошел, почти полностью вытесненный предчувствием крупной удачи. Легкостью первого успеха; до премьеры оставалось две недели, а восемнадцатое ноября приходилось на субботу, на лучший для спектакля день.

– Спасибо, – сказал он, еще не веря собственному счастью.

Огляделся.

Мягкие кресла, кожаный диван, загородка для душа; гримерка походила на обычный номер дешевой гостиницы. Вместо обоев стены были оклеены афишами – старыми, пожелтевшими, и новыми, в росчерках автографов.

«Дианочка! В день твоего торжества...»

«Потому что театр – наш дом, наша жизнь...»

«Поздравляю!»

«Поздравляем с триумфом... это день... торжество на Кон...»

Тимур перевел взгляд.

В свободном углу какой-то из афиш имелась крупная надпись красным фломастером: «Прогон даю утром восемнадцатого числа. Сцена будет ваша с девяти утра. В любое удобное время занеси мне фонограмму, партитуру для света и все технические пожелания. Ты понял, Тимур Тимьянов?»

– Я понял, – сказал Тимур.

Страх испарился окончательно. В зеркалах отражался тощий молодой человек с глупой улыбкой на лице – скуластый, темноволосый и большеротый; чем больше рот – тем шире улыбка, говаривала когда-то мать. Синий костюм, надетый специально в честь визита, сидел мешковато; я ужасно выгляжу, подумал Тимур, не переставая улыбаться. Интересно, составил ли Кон свое мнение обо мне? Или составит только после премьеры? А может быть, я понравился ему, и потому премьера назначена так скоро, и выбран такой удачный день?

Он шагнул к двери – но уходить не стал. Потоптался на месте; афиши притягивали его.

– Можно, я...

Включился, будто грянул, свет. Тимур, привыкший к полумраку, зажмурился; да, Кон поощрял его любопытство. Тимур слышал, что Кон, как правило, любезен с вежливыми незнакомцами – но куда приятнее было думать, что это не просто вежливость, а нарождающаяся симпатия...

Он подошел поближе к оклеенной афишами стене.

Названия. Имена. Даты. Витиеватые автографы. Затеяливые графические картинки. И среди всей этой великолепной пестроты – вдруг простая афиша, знакомая до мельчайших деталей.

«Шторм». Сотое представление. В главной роли – Грета Тимьянова...»

Тимур шагнул вперед. Поднялся на цыпочки.

Случайно ли в этой гримерке оказалась именно эта афиша? Или новая любезность Кона?

На афише стояла дата – сотое представление знаменитого спектакля случилось десять лет назад. Тимур был тогда пятнадцатилетним подростком, не особенно прилежным в учебе, а мать играла восемнадцатилетнюю девушку, естественную и неискушенную, из зала ей можно

было дать в худшем случае двадцать. Зал рукоплескал стоя; директриса Тимуровой школы, преподававшая также и физику и поэтому приглашенная – в порядке взятки – на юбилейный спектакль, долго не могла прийти в себя от изумления и зависти. В результате Тимур едва перешел в десятый класс – никакие пятерки по литературе, истории и пению не могли искупить обоймы двоек по физике, а директриса скорее мешала, чем помогала сыну блистательной Греты Тимьяновой, своей ровесницы, выглядевшей на сцене девчонкой...

В какой-то момент ему показалось, что в гримерке за его спиной есть еще кто-то. Обернулся резко, будто желая поймать на своеволии собственную тень; ящик ближайшего гримировального столика был чуть приоткрыт, хотя Тимур прекрасно помнил, что он был плотно задвинут еще две минуты назад...

В ящике лежали бумажное полотенце, мыло в мыльнице и распечатанная пачка салфеток. «Ты хорошо понимаешь условия? – прочитал Тимур на салфетке, лежавшей сверху. – Отказаться можно в любой момент, я не обижусь. В любой момент, до третьего звонка. Только после третьего звонка твой поступок станет необратимым. Ты понял, Тимур Тимьянов?»

– Я понял, – сказал Тимур, сдерживая внутреннюю дрожь. – Спасибо...

Свет погас. Недвусмысленное предложение уйти.

Тимур на ощупь выбрал в коридор; желтая лампочка в оплетке все еще горела, и на стене под ней было написано мелом: «Я жду».

* * *

– Ты влюбился?

Тимур оторвал взгляд от пустой тарелки из-под супа:

– Что?

Мать убрала тарелку. Поставила на ее место другую, с котлетой и рисом. Вытерла руки полотенцем:

– Ты ведешь себя как влюбленный. Молчишь и улыбаешься.

– А-а-а... – Тимур растерялся. – Не знаю.

Мама молчала. Над головой у нее, на стене против окна, помещалась знакомая с детства афиша: «Шторм». Сто двадцатое представление».

– Ты немножко пугаешь меня, Тима, – сказала мать задумчиво. – Ты уверен, что не влюбился?

– Что такого пугающего во влюбленности? – он откусил сразу половину котлеты. – У-у, как вкусно... И лука в меру как раз... Булку в молоке вымачивала?

– Не уводи разговор в сторону, – мать усмехнулась. – У тебя все в порядке?

– Ну да, – Тимур жевал.

– С работой есть какие-то новости?

Он буднично пожал плечами:

– Ничего особенного. Репетируем...

– Я имею в виду – с настоящей работой. С трудоустройством.

– Мама, – Тимур отложил вилку. – Я занимаюсь самой настоящей работой. Сейчас. То, что за нее пока не платят, – ничего не значит...

Мать хмыкнула. Уселась напротив, положила локти на стол:

– Значит, ты все-таки влюбился?

– Да, – сказал Тимур, помедлив.

– Я ее знаю?

– Нет.

Мать вздохнула. Все невысказанные упреки и пожелания, все планы, надежды и жалобы остались за этим вздохом. Немые. Мать виртуозно умела вздохнуть. Великая актриса...

– А как с Ирой?

Тимур неопределенно пожал плечами. Будто желая помочь ему, в комнате зазвонил телефон.

– Ешь, – мать поднялась.

Тимур погрузил вилку в россыпи риса. Глупая улыбка вернулась снова – весь сегодняшний день она не отлипала от него, будто навязчивая мелодия. Только слепой не заметит; ему бы толику самообладания...

Мать вернулась. Увидев, какое у нее лицо, Тимур едва не поперхнулся рисом.

– Тима...

– Кто это звонил?

– Тимур... ты правда там был?!

– Кто это звонил? – спросил он с холодной яростью.

– Какая разница, кто... ты всерьез думал скрыть от меня? Ты действительно думал, что это возможно? Я уж молчу о том, что это подло, Тима, так поступать за моей спиной...

– Кто звонил?! – спросил он в третий раз.

– Дегтярев, – сказала мать еле слышно. – Он видел, как ты выходил... оттуда. Сегодня, без пятнадцати двенадцать...

– Он что, с хронометром там стоял?!

– А ты что думал, – сказала мать неожиданно спокойно, даже насмешливо. – Ты думал, здесь так легко сохранить тайну? Горячий уголь за пазухой? У Дегтярева два спектакля на Конне... Ты же ему конкурент. Каждый новый спектакль на Конне – пожиратель старых спектаклей, они уступают ему время, они идут все реже... Чтобы не допустить тебя на Кон, кое-кто из шкуры вон выпрыгнет. Пощады не жди...

– Я знаю, – сказал Тимур.

– Ты «знаешь», – мать усмехнулась. – Дурак.

Повернулась и вышла.

Некоторое время он сидел над остывшей тарелкой. За окном давно уже стояла темнота; маленькая лампа над раковиной была сейчас единственным источником света во всей их небольшой квартире.

Наконец Тимур встал. Включил свет в гостиной; постоял перед дверью маминой комнаты. Решился. Вошел.

Мать лежала в темноте – на диване, лицом вниз.

– Ма, – сказал Тимур, остановившись в двух шагах от дивана. – Ты же сама играла на Конне. Почему тебе кажется странным, что я тоже хочу попробовать?

Молчание.

– Ма... Я уверен в себе. Я знаю: то, что я сделал... то, что мы сделали, – это по меньшей мере хорошо...

Мать пошевелилась. Села.

– Мой учитель, Григорий Петрович...

В темноте Тимур не видел ее глаз.

– ...Всю жизнь ставил великолепные спектакли, – негромко продолжала мать. – Получил все возможные звания, награды, призы... Воспитал два поколения учеников... И ни разу не обращался к Кону! А под старость не выдержал... видно, жил в нем этот червячок – быть признанным Коном... И поставил премьеру на Конне! Я была в зале... все его ученики были в зале... Зал был... битком – знаешь, Кон любит, когда в проходах стоят... И мы увидели, что наши старые артисты, наши золотые дедушки и бабушки, наши кумиры... что они бездарно врут. Что они патетичны. Что они некрасивы, пафосны, неискренни... Кон не принял этого спектакля, уж не знаю почему. Те же старики в других спектаклях Кона – блистали... А этого спектакля Кон не принял, и мы, сидящие в зале, увидели все, что нам полагалось увидеть.

И они, увенчанные лаврами старики, поняли все, что им надлежало понять... Сразу после премьеры было три инфаркта. А Григорий Петрович...

– Я прекрасно помню эту историю, – сказал Тимур.

– Что ты можешь помнить, ты тогда был пацаном...

– Я знаю, что Кон жестокий.

Мать усмехнулась в темноте:

– Ты не представляешь, до какой степени жестокий. Но узнаешь, если Кон не примет твоего спектакля. Тогда тебе придется менять профессию, Тимур, менять навсегда... ты это понимаешь?

– А если Кон примет?

Мать помолчала.

– ...А твои артисты, все эти странные ребята... которые не хотят идти в нормальный театр, не хотят бегать в массовках и выпрашивать эпизодики... Которые хотят сразу – и на Кон! Которым тоже придется идти в гардеробшики сразу после премьеры... и дай-то Бог, чтобы все они остались живы и здоровы, если Кон не примет спектакля...

– А если примет?

Новая пауза.

– Ты помнишь тех провинциалов... как их... Три года назад? Их предупреждали тоже...

– ...наш спектакль с этой провинциальной самодеятельностью?!

– Я не сравниваю. Я просто вспоминаю. Их предупреждали. Они влезли на Кон со своей драмой... Помнишь? Девчонка, которая играла героиню, потом в психушку на два года... Такая депрессия... Ты помнишь?! Это уже на твоих глазах было! Это не чьи-нибудь рассказы, ты сам там был и все видел!

– Их предупреждали, – глухо сказал Тимур.

– Тебя предупреждают тоже. Прямо сейчас.

– Мама! Речь идет о хорошей профессиональной работе. Я не хочу сказать, что это гениально, но...

– Нет, Тима. Именно «гениально». Ты в этом уверен. Тебя разубедят только свист и улюлюканье на премьере...

– Типун тебе... – начал Тимур и осекся. – Извини.

– Извини и ты, – медленно сказала мать. – Собственно, Дегтярев позвонил мне именно с тем, чтобы я тебя удержала.

– И ты доставишь Дегтяреву эту радость?

Мать щелкнула выключателем. Мягкий свет торшера показался Тимуру ослепительным.

– Тебе не следовало идти туда тайком от меня.

– Извини.

– Теперь тебе придется пойти туда снова. И сообщить Кону, что ты передумал.

Тимур молчал.

Лицо матери было бледным, осунувшимся, решительным.

* * *

– Восемнадцатого у нас премьеры на Конне, – сказал Тимур.

Оля ахнула. Вита захлопала в ладоши. Кирилл и Борис переглянулись.

– А генеральный прогон? – деловито поинтересовался Дрозд.

– Только один. К сожалению, в тот же день. Зато сцена будет наша с девяти утра.

– Обычная практика Кона, – задумчиво сказал Дрозд. – Все вечера у него забиты...

– Восемнадцатое – это же суббота! – Вита обхватила плечи, будто замерзая. – Народу набьется...

- На Конe всегда набивается, – сказал Кирилл. – Особенно на премьерe.
- Летим в заоблачные выси, – рассеянно пробормотал Дрозд. – Не шлепнуться бы.
- Ваше дело – работать, – строго сказал Тимур.
- Я не буду, – Оля подняла голову, Тимур увидел, что она на грани истерики. – Я не буду.

Я боюсь. Я не пойду на Кон. Я бездарная.

- Тогда вставай и уходи, – сказал Тимур, не повышая голоса.

Зависла пауза, жесткая, будто высохший столярный клей. Оля неуклюже выбиралась из ряда зрительских кресел – а ряды в старом клубе были неудобные, деревянные, приколотенные слишком близко друг к другу.

- Олька, – растерянно сказала Вита. – Не делай глупостей... Мы же договаривались...

Оля подобрала свою сумку, лежавшую в проходе на ступеньках. Не поднимая головы, двинулась к выходу из зала.

Тимур молчал.

- Топорова! – рявкнул Кирилл. – А ну сядь, где сидела!
- Пусть идет, – сказал Тимур. – Прощай, Оля. Ты сильно ошиблась в выборе профессии.
- Оля обернулась. По щекам ее расплзались красные пятна:
- Я боюсь! Ясно вам? Это провал, это...
- Мы же договаривались, Оля, – мягко сказал Дрозд. – Ты же все заранее знала, нет?

Пышные выющиеся пряди по обе стороны лица делали Олю похожей на кокер-спаниеля. А большие отчаянные глаза только усиливали это сходство.

– Иди-иди, – сквозь зубы пробормотал Тимур, давя в себе невольное сочувствие. – Неудачница.

Волоча по ступенькам сумку, Оля кинулась вверх. Хлопнула, закрываясь, дверь.

- Так, – сказал Тимур. – Я это предвидел, конечно...

Ничего он не предвидел, но терять лицо нельзя было.

Вита поднялась:

- Погоди... Я ее догоню.

И побежала вслед за Олей; дверь хлопнула снова.

- Мужики, а может, черт с ним? – хрипло спросил Борис. – В самом деле...

- Ты туда же? – резко обернулся Тимур. – Скатертью дорога!

- Да нет, – Борис смутился.

– Не дергайся, Тим, – негромко сказал Дрозд. – Это естественно. Мы не ждали, что ты вот так прямо и заявишься к Кону... А ты пошел и сделал. Первая реакция – бурная. Мне самому не по себе.

И сделалось тихо. Они, четверо мужчин, сидели в большом и холодном зале Народного клуба, где на спинках твердых, покрытых растрескавшимся лаком кресел были в изобилии выцарапаны ругательства и непристойные картинки. Они сидели перед сценой, плоской, как блин, годной на то лишь, чтобы высаживать по праздникам президиум.

Они были еще очень молоды. Кириллу и Борису было по двадцать два года, Тимур – двадцать пять, и только Дрозду – двадцать девять. И еще много лет им предстояло мыкаться по таким вот жалким подмосткам, играть спектакли для полупустого зала – в ожидании, пока наконец судьба не преподнесет подарок в виде места в более-менее приличном театре...

- Там такие классные гримерки, – сказал Тимур неожиданно для себя.

– Да? – заинтересовался Кирилл. – Сцену тамошнюю все мы видели... А гримерки – тоже?

- Я бы там жил, – признался Тимур. – Я бы там поселился, ей-богу.

- Страшно было к Кону идти? – небрежно спросил Дрозд.

– Сначала да, – честно признался Тимур. – Но потом... как-то сам собой проходит страх. Может быть, я ему понравился, или он маму вспомнил, но у меня почему-то такое классное предчувствие...

Тимур помолчал. Сказал совсем другим тоном:

– Ребята, мы сейчас всем поперек глотки. Все, чьи спектакли идут на Коне, на нас наваяются единым фронтом, имейте в виду...

– Ясное дело, – задумчиво сказал Дрозд. – Тима, надо как-то девчонок оградить. Нам с Кирюхой и Борькой все это до лампочки, а вот Оленька истеричка у нас...

Хлопнула дверь. Вернулась Вита. Сияющая, несмотря на длинную царапину поперек щеки.

– Значит так, – Вита уселась на край сцены с видом победительницы. – Олька работать будет, она у нас самая талантливая, самая хорошая, просто гениальная... И спектакль у нас гениальный. И, Тима, если у тебя есть сигареты в сумке, угости меня, пожалуйста, я заслужила.

Тимур вытащил непочатую пачку «Золотого овна», бросил Вите над головой Дрозда; девушка лихо поймала сигареты. Благодарно цокнула языком.

– Все тебе, – сказал Тимур. – Ты действительно заслужила. Только не кури, ради Бога, в зале – мне еще проблем с пожарником недостает...

Вита обворожительно улыбнулась, и Тимур подумал, что девку ждет блестящее будущее. Пусть только режиссеры увидят ее на Коне! Пусть увидят, на что она способна!

– Когда станешь примадонной, угостишь и меня, – сказал неожиданно севшим голосом.

– Ты же не куришь, – прыснула Вита.

– Конфетой угостишь... Все. Хватит трепаться. На сцену.

* * *

– Тим.

Он обернулся, но увидел сперва только огонек сигареты. Огонек похож был на красную аварийную лампочку.

– Привет, Тимка...

Тогда Тимур узнал этого человека – по голосу.

– Добрый вечер, – отозвался сдержанно.

– Что так сухо? – мужчина вошел в круг света под фонарем. У него было выразительное молоджавое лицо; на кончике чуть крючковатого носа кокетливо сидели крошечные очки в модной оправе.

– Ты что-то хотел мне сказать? – спросил Тимур.

Собеседник откинул со лба красивую седую прядь:

– Собственно, да... Хотел.

– Так вот: я не стану тебя слушать, Дегтярев. Кон выразил пожелание увидеть мой... наш с ребятами спектакль в субботу, восемнадцатого. Приходи, если хочешь. Если сможешь достать билет.

– Мальчик вырос, – Дегтярев усмехнулся.

– Давно. Ты только сейчас заметил?

– Я боюсь за тебя, – жестко сказал Дегтярев. – Ты отвечаешь за жизнь и здоровье твоих актеров... Ты их подставляешь, кладешь на плаху. Тебе ведь ничего не будет, только позор, а от этого не умирают. А знаешь, что такое депрессия после провала на Коне? Ни черта ты не знаешь.

– Провала не будет. Я понимаю, тебе очень хотелось бы, но провала не будет...

– Будет провал! Будет! Ты же неуч, Тима. Тебя ничему так и не научили за пять лет в институте... Я же видел твои курсовые работы. Это дилетантизм, Тима. Кон такого не потерпит никогда. Я немножко знаю его вкусы...

– Пошел к черту! – сказал Тимур и захлопнул перед носом Дегтярева тяжелую дверь подъезда.

* * *

– Мама?

Мать сидела за кухонным столом. Перед ней стояла тарелка с полуплиткой шоколада и пустая на три четверти бутылка коньяка.

– Мама?! – Тимур в ужасе остановился в дверях.

– Беседовал с отцом? – спросила мать, не оборачиваясь.

– Да, – сказал Тимур упавшим голосом. – То есть нет...

Не о чем нам беседовать... Я его к черту послал, если честно...

– Ну и правильно, – сказала мать, опуская голову на сплетенные пальцы. – Я его тоже послала... когда-то... только не к черту, а подальше... – она хохотнула. – Тима... когда я шла первый раз на Кон, я, дура, тоже ничего не боялась. Молодая была, моложе тебя... Номшо, как мы вышли на поклон. А самого спектакля – не помню. Номшо, стою на краю сцены, мокрая, горячая, в пудре... Зал – как море... С ума посходили, орут «браво», чуть с балконов не падают... – она торопливо плеснула из бутылки в рюмку, отхлебнула коньяк, как воду. Поморщилась; улыбнулась:

– Да... Это было такое счастье... И сто спектаклей – счастье, жизнь... И сто двадцать... И сто пятьдесят... Одну роль я почти семнадцать лет играла, Тимочка. Мне другие роли предлагали – не бралась, думала, не стоит, вот отыграю свой «Шторм»... А когда «Шторм» сошел с Кона... мне уже было за сорок, а я играла восемнадцатилетнюю... «Шторм» выдержал сто пятьдесят семь представлений! Я поняла, что больше никогда и ничего не сыграю. Не могу ничего играть после моей гениальности на Кон... Обо мне так и говорили – «гениальная Тимьянова»... А я не знаю, была ли я хорошей актрисой, или Кон сделал меня... сделал меня такой, потому что ему понравился спектакль. Возможно, именно Кон... и убил во мне актрису. Это как наркотик – к нему пристрастишься... и пустота. Я могла бы играть по сей день... Я могла бы работать, Тима! Кон... Я так его любила. Я его обожала, это чудовище. Лучше бы тебе держаться от него подальше... Но ты не хочешь синицу в руках. Ты не хочешь годами ставить детские утренники...

– Не в том дело, мама...

– Я знаю, в чем дело, – сказала мать раздраженно. И тут же попросила почти шепотом:

– Тима... Обещай, что ты хоть мне-то спектакль покажешь. Прежде чем тащить его на Кон... Обещай, а?

* * *

Женщина стирает белье в ледяной воде. Всхлипывает, стискивает зубы – и стирает снова, трет о железную гофрированную доску, вода в тазу берется льдом, женщина ранит руки – но продолжает стирать...

В ремарке нет никакой стирки, нет мороза, нет грубого фартука прачки. Согласно пьесе, героиня сейчас скучает на даче, сидит в беседке, разговаривает с гостем под далекое пение граммофо на...

– Молодец, Оля. Умница. Кир, не подходи так близко. Держи дистанцию – во всех отношениях... Да, молодец!

Репетиция шла своим чередом; Тимур сидел в зале, в пустынном царстве скрипучих кресел, и ему казалось, что он видит исходящую от ребят энергию. Купается в ней; с Кириллом надо будет дополнительно поработать, он немного проваливается в этой сцене, роль Писателя – не из легких... Но Тимур знает, что и как сказать, что и как надо сделать, чтобы все встало на свои места. Оля молодец. А Дрозд... Что с Дроздом? Определенно что-то происходит, надо будет выяснить после репетиции...

Женщина отбрасывает мокрую тряпку. Ее руки сведены судорогой, она не может пошевелить и пальцем. Ведет светскую беседу.

...Еще три года назад Тимур поставил этот спектакль в собственном воображении, и многократно просматривал его, критиковал и снова просматривал, проигрывал по очереди все роли, разочаровывался, ненавидел, гнал прочь... Вскакивал ночью от внезапных ярких снов – а эту сцену можно бы изменить вот так... Возвращался к спектаклю, зачитывал пьесу до бурых пятен кофе на страницах, рисовал мизансцены, вылавливал в толпе лица людей, похожих, как ему казалось, на вымышленных им героев. Вот беда – с каждым новым просмотром то, что виделось Тимуру, все более отдалялось от исходника, от пьесы, от текста, знакомого «со щенячества»; Тимур ставил курсовые и дипломные работы, был в институте на хорошем счету, но только полгода назад набрался смелости и окликнул в коридоре проходившую по своим делам студентку Виту – с тем, чтобы предложить ей роль в «Трех братьях»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.